

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:63-051(470.13)"19"

**Усть-Куломский крестьянин Иван Рассыхаев:
опыт земледелия на Европейском северо-востоке России
в первой трети XX века**

Семенов В.А.¹, Липин В.Б.²

Аннотация. На рубеже XIX-XX веков в коми деревне происходят определенные перемены, связанные с повышением агрикультуры крестьянства. Наиболее образованные представители сельского населения знакомились с передовыми работами по агрикультуре, печатавшихся в столичных журналах, и пытались воплотить некоторые советы из них на практике. Среди этих представителей выделяется Усть-Куломский крестьянин Иван Степанович Рассыхаев, который оставил после себя дневниковые записи почти на каждый день. Он расписывал погодные условия, разные сельскохозяйственные культуры, которые при различных погодных условиях должны были принести оптимальный урожай. Опыт И.С. Рассыхаева имеет значение и в наши дни, когда запущенны луга и пашни, а их возрождение могло бы способствовать возрождению села и национальной культуры.

Ключевые слова: Крестьянская община, сельскохозяйственные культуры, агрикультура, земледелие, Европейский северо-восток России.

**Ust-Kulom peasant Ivan Rassykhayev:
experience of agriculture in the Russia`s European North-East
in the first third of the XX century.**

Abstract. At the turn of the 19th and 20th centuries, certain changes occurred in the Komi village, related to the increase in the peasantry agrarian culture. The most educated representatives of the rural population got acquainted with the advanced works on agrarian culture printed in the capital's magazines and tried put some tips out of them in practice. Among these representatives is the Ust-Kulom peasant Ivan Stepanovich Rassykhayev, who left behind himself diary records for almost every day, where he painted weather conditions, different crops, which, under different weather conditions, should bring the optimal harvest. Ivan Rassykhayev's experience is also important in our day, when meadows and arable land are neglected, and their revival could contribute to the revival of the village and the national culture.

Keywords: Peasant community, agricultural crops, agriculture, farming, the European North-East of Russia.

¹*Семенов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина». Октябрьский пр-т, 55, 167001, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Semenov V.A. Doctor of Science (History), Professor of the History of Russia and foreign countries Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Oktyabrsky ave., 55, 167001, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: Semenov_45@bk.ru

²*Липин В.Б., научный сотрудник Национального музея Республики Коми. ул. Коммунистическая, 6, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Lipin V.B. Researcher at the National Museum of the Republic of Komi. Kommunisticheskaja str., 6, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: nmrk@list.ru

© **В.А. Семенов**

© **В.Б. Липин**

Исходными материалами основных построений данного исследования служат цифровые показатели посевов и сборов зерновых культур, выявленные в «Дневных записках» И.С. Рассыхаева. Эти материалы предварительно лишь частично обработаны. С 1910 по 1932 гг. они приводятся как за отдельные годы, так и суммарно по периодам. Мерой учета цифровых показателей был избран пуд, при этом в источнике параллельно определен объем сбора зерновых в снопах и суслонах [3, С. 43 - 46]. Следует отметить, что И.С. Рассыхаев не всегда записывал данные о посевах, что затрудняет определить общую динамику посевов и урожайности. Например, с 1911 по 1920 гг. в источнике нет данных о посевах ржи [3, С. 42 - 56], а с 1914 по 1920 гг. нет сведений о посевах ячменя. Однако это был очень сложный период в жизни автора «Дневных записок». С 1915 г. по лето 1917 г. он находился на военной службе, на фронте, где был ранен [3, С. 12] и стал инвалидом на всю жизнь.

Также осложняет исследование уровня земледелия и то, что в отдельные годы в источнике урожай хлебов определен в таких только мерах объема как снопы и суслоны [3, С. 54 - 55]. А так как нет точного определения этих данных в мерах веса, то приходится рассчитывать их на основании данных за другие годы, когда зерновые рассчитаны параллельно в пудах и в снопах и в суслонах. Тем не менее, нельзя быть полностью уверенным в полученных цифрах, так как средние данные отражают лишь общую тенденцию урожайности.

В ходе дальнейшей обработки данных подсчитаны среднегодовые показатели посевов, сборов и урожайности хлебов, как за отдельные периоды, так и за весь период с 1910 по 1932 гг.

Наиболее важные для характеристики уровня земледелия не столько абсолютные данные посевов и сборов хлебов, сколько их показатели в расчете на одну душу населения. Для расчета обеспеченности семьи Рассыхаевых своими хлебами необходимо было не только подсчитывать показатели чистых сборов хлеба (валовой сбор минус посев), но и определить годовую норму потребления зерновых на одного человека. Последняя определяется в исторической литературе неодинаково. Часть исследователей склоняется к принятию ее показателей в 15 пудов на том основании, что в источниках она очень часто упоминается [1, С. 48 - 50].

Следует признать, что в губернаторских отчетах за XIX – начало XX вв. по северному региону норма в 15 пудов и даже в 12 пудов на человека в год фигурирует неоднократно. На взгляд Котова П.П. при существующей тогда структуре продуктов питания такого количества хлеба было недостаточно [5, С. 39].

Вероятно, чиновники, когда упоминали душевую норму в 12-15 пудов, имели в виду то, что крестьяне могут выдержать при ней отдельный год. В этом случае не подразумевалась постоянная нормальная норма на длительный период. Да и не во всех губернаторских отчетах писалось о норме 12-15 пудов [5, С. 39]. Обследования северной удельной деревни в 1859 году определяли необходимость 19 пудов хлеба на человека в год [6]. При этом различия между бедными и богатыми крестьянами касались только мяса, масла и других продуктов питания, но не хлеба.

В реальной же жизни количество употребляемого в хозяйствах хлеба было, вероятно, даже больше. По данным обследований, опубликованных И.Б. Иловайским, в 1849 г. в Устюжском и Сольвычегодском уездах в средних крестьянских семьях на питание одного человека в год уходило от 26 до 27 пудов зерновых [4].

Следует согласиться с авторами «Аграрной истории Северо-Запада России», взявшими годовую норму потребления по 20 пудов хлеба на человека без необходимого фуража [1, С. 50]. Важность их определения заключается в том, что эти авторы предложили учитывать в минимальной норме и расходы зерна на рабочий скот.

В работе П.П. Котова исходная годовая минимальная норма хлебов на человека включает в себя 12 пудов ржи и 3,6 пуда ячменя, которые шли на муку, и по 1,7 пудов ячменя и овса, необходимые для получения крупы. К этому количеству зерна добавляется еще 3 пуда овса, который предназначался для содержания рабочего скота [5, С. 40]. В сумме получается, что в год на человека нужно было примерно 22 пуда хлебов: 12 пудов озимых и 10 пудов яровых. Определенная П.П. Котовым годовая норма хлебов вполне согласуется в выдвинутой нормой авторов упомянутой «Аграрной истории Северо-Запада России».

Однако, сам И.С. Рассыхаев определяет норму в 14 пудов зерновых на одного человека в год. Он пишет о том, что в месяц на семью из пяти человек уходит 5 пудов 30 фунтов муки

[3, С. 82, 97]. Однако о том, сколько зерна уходит на корм скоту он не упоминает. Из 14 пудов зерновых в год на человека расходуется 9 пудов ячменя и 5 пудов озимой ржи. Эти данные расходятся с годовыми нормами, выведенными П.П. Котовым и авторами «Аграрной истории...» в отношении озимых (ржи), но согласуется с нормами годового потребления яровых (ячменя) на одного человека.

Тем не менее, в данной работе анализ проводится на основании норм потребления хлеба, которые сообщает автор «Дневных записок».

Село Усть-Кулом, в котором проживал И.С. Рассыхаев, находится в Республике Коми, располагающейся на северо-востоке Европейской части России, где господствует тайга. Достаточно суровые природно-климатические условия даже в южных районах Коми края, где и находится и село Усть-Кулом, закономерно включают его в зону рискованного земледелия. Ситуация для земледелия здесь осложняется и в связи с отсутствием крупных и сплошных массивов высокоплодородных пашенных угодий и относительной изоляцией края от центральных и земледельческо-развитых районов России. Все это предопределяло известный консерватизм в системах земледелия, в применении орудий труда и в наборе сельскохозяйственных культур.

И.С. Рассыхаев применял параллельно систему трехполья и систему подсеков, распространенную в то время почти повсеместно в Коми крае. После отселения от родителей в 1910 году автору «Дневных записок» досталось пять участков пахотной земли общей площадью одна десятина (1 га) [3, С. 40].

Основным удобрением служил навоз, который вывозили на поля обычно глубокой осенью. Новейших орудий труда того периода у усть-куломского крестьянина не было. Использовалась борона, которую он сделал сам в 1910 году [3, С. 41], и соха, купленная им в 1912 г. [3, С. 45]. Борона была деревянная, плетеная, с железными зубьями, и применялась она в пашенном земледелии. Обычно она имела 25 зубьев и называлась «пиня». Борона представляла собой деревянную квадратную решетку из березовых брусков, в местах пересечения которых были вколочены железные зубья. Такие бороны использовались на тяжелых почвах – черноземных и глинистых, там, где требовалось очистить пашни от сорняков и

кореньев. В начале XX века у населения бассейнов Сысолы, Вычегды, Печоры и Мезени эти бороны получили широкие распространение [7].

В качестве тягловой силы при бороновании использовались лошади. Боронила обычно женщина или подросток, так как эта работа считалась легкой и не такой ответственной, как пахота и сев [2, С. 45].

Пахотным орудием И.С. Рассыхаева была соха, которая была наиболее распространенным орудием у коми-зырян в начале XX в. [2, С. 40] Деревянные части сохи изготовил сам И.С. Рассыхаев, а железные сошники он купил на базаре [3, С. 45]. Соха имела два железных сошника и деревянный неперекладной отвал. Сошники различались по величине и форме: левый назывался мужским («мужичок»), а правый – женским («женка») [3, С. 45]. Пользовался Рассыхаев и наиболее старой формой земледелия у коми крестьян – подсекой («тыла»). На подсеке сеяли только один раз. Корчевка пней и вспашка на участке не производилась; семена высевали непосредственно на пал, в золу, которая заравнивалась специальной бороной-суковаткой – «тыла агас» [3, С. 41] и являлась прекрасным удобрением. Подсеки давали обильные урожаи и служили серьезным дополнением к низким урожаям на урочищах.

Основную площадь пашни занимали зерновые. Лишь в 1911 году Иван Степанович на часть земли посадил картофель [3, С. 45], но в последующем он его не сеял. В зерновом поле преобладала яровая культура – ячмень, или жито – «ид». Для созревания ячменя требовался короткий вегетационный период. Яровой клин составлял около 80% площади всей запашки (0,8 десятины). Соответственно доля озимой ржи – «сю» была около 20% (0,2 десятины) [3, С. 100].

На объемах посевов зерновых сказывалась не только площадь их запашки, но и эволюция высева зерна на единицу площади. Нормы высева семян имели тенденцию к росту. Расход семян всех зерновых в 1910-1928 гг. увеличился до 19,7 пуда на десятину. Однако в 1929-1932 гг. уровень посевов зерновых стабилизировался на отметке 17 пудов в год на одну десятину. При этом густота посевов озимых выросла с 1,5 пуда в 1910-1913 гг. до 2,7 пуда в 1929-1932 гг. Рост расхода яровых был более заметен по сравнению с посевами озимых.

За каждый же отдельный год уровень посевов зерновых то увеличивался, то уменьшался. Самый низкий уровень посева был в 1910 году – 9,5 пудов. Это, вероятно, было связано с тем, что в этот год И.С. Рассыхаев отделился от родителей и зерновых у него было еще мало. Самый высокий уровень посева зерновых был в 1926 г. и составил 23,5 пудов. В среднем за год с 1910 по 1932 гг. посевы зерновых составляли 16,5 пуда. Озимых за этот период высевалось в среднем 2,6 пуда в год, а яровых 13 пудов.

Уровни прироста посевов озимых и яровых хлебов различались. Посевы яровых с 1910-1924 гг. по 1925-1932 гг. выросли с 81,25 до 126,26 пудов или на 55,4%, тогда как посевы озимых с 1910-1925 гг. по 1926-1932 гг. с 12,5 до 18,25 пуда, или на 46%.

Соотношение посевов озимых и яровых каждый отдельный год также менялось. Самый низкий показатель соотношения посевов был в 1921 г. и составлял 1:2,1 в пользу яровых, а самый высокий в 1928 г. и соотношение было 1:24,3 в пользу яровых (ячменя). В среднем за 1910-1932 гг. соотношение было 1:5 в пользу яровых (ячменя).

В среднем за весь период с 1910 по 1932 гг. на одного члена семьи И.С. Рассыхаев высевал 3,52 пуда зерновых. Яровых за этот же период высевалось в среднем 3,05 пуда в год на одного человека, в озимых – 0,57 пуда. Наивысший показатель яровых, высеянных за один год, зафиксирован в 1913 году и равен 4,7 пуда на человека, а наиболее низкий – в 1923 г. и составляет 1,9 пуда. В 1928 г. душевые посевы озимых достигают наименьшей отметки в 0,15 пуда на одного члена семьи, но в следующем, 1929 году, этот показатель повышается до рекордно высокой отметки для семьи Рассыхаевых в 1,1 пуда посева озимых ржи на одного человека.

Тем не менее, какой-то особой тенденции к увеличению посевов на одного человека не наблюдается. Можно предположить, что увеличение общих посевов зерновых было связано с увеличением количества членов семьи. Таким образом, Иван Степанович проявлял качества экономного хозяина.

Прямого влияния Первой Мировой войны, Октябрьской революции 1917 г. и даже периода «военного коммунизма» на уровень общих и душевых посевов хлебов в источнике выявить не удалось. Хотя, в заключительной части «Дневных записок»

И.С. Рассыхаев указывает на то, что в 1921 г. Комитет бедноты забрал у него бесплатно 97 пудов зерновых и то, что затем он сам добровольно практически бесплатно раздал около 100 пудов хлеба [3, С. 153. Перевод В.В. Филипповой]. С другой стороны, этот факт показывает, что у И.С. Рассыхаева не было недостатка в хлебе, и при этом оставался излишек, который он бережно хранил для различных целей.

Посевы зерновых представляют базовый уровень земледелия, который в значительной степени зависел от наличия земельных ресурсов и возможности свободно распоряжаться земельными угодьями. Показатели урожайности в большой степени характеризуют реализацию возможностей усть-куломского крестьянина Рассыхаева по эффективному использованию уже вовлеченных в хозяйственный оборот пашенных земель. Правда, эти показатели на севере России во многом зависели не только от усилий и опыта земледельца, но и от погодных условий конкретного года или нескольких лет.

Урожайность зерновых в России длительное время фиксировалась в «самах» (валовой сбор зерновых, деленный на их посев), поэтому и в данной статье уделяется внимание анализу урожайности зерновых, определенной в «самах».

Средняя урожайность зерновых в хозяйстве И.С. Рассыхаева в период с 1910 по 1932 гг. составляла «сам 5,38». Этот показатель превышает среднегодовую урожайность по Коми краю за период с 1901 года по 1915 год, которая была «сам 4,96» [5, С. 57].

Наибольшая урожайность зерновых в хозяйстве Ивана Степановича зафиксирована в 1910 г. на уровне «сам 9,68», а самый неурожайный был 1928 год, когда урожайность была «сам 2,0». Средняя урожайность яровых (ячменя) в период с 1910 по 1932 гг. составляла «сам 4,82», что немного превышает среднегодовую урожайность яровых в Коми крае за 1901-1915 гг., составлявшую «сам 4,58» [5, С. 57]. В 1911 году была самая высокая урожайность «сам 6,92» яровых, а в 1922 году – самая низкая урожайность яровых «сам 1,75».

Среднегодовая урожайность озимой ржи с 1910 по 1932 гг. составляла «сам 9,31», что намного превышает урожайность озимой ржи во всем Коми крае 1901-1915 гг., которая составляла «сам 6,20» [5, С. 57]. Урожайность ржи в 1924 году на полях Рассыхаева была всего «сам 3,2». Это наиболее низкий результат за все годы самостоятельного хозяйствования Ивана

Степановича, а наиболее высокий результат был в 1910 году, когда урожайность озимых достигла «сам 24,16».

В целом за весь период с 1910 по 1932 г. урожайность, как всех зерновых, так и яровых (ячменя) и озимых по отдельности, постоянно колебалась то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. Нельзя утверждать, что урожайность нарастала с каждым годом. Это показывает, что видимо И.С. Рассыхаев был удовлетворен урожайностью зерновых хлебов и не предпринимал особых усилий для увеличения ее, но в то же время старался поддерживать ее на высоком для Коми края уровне.

Урожаи отдельных культур, конечно же, различались между собой. Уже отмечалось выше, что озимая рожь давала более высокую урожайность в «самах», чем яровые хлеба. Однако более высокая урожайность культур в «самах» не означала ее более высокий урожай в современном понимании. Нужно помнить, что на одну десятину запашки, например, озимых высевалось почти в 4 раза меньше, чем яровых.

Урожайность хлебов в 1910-1932 г. на территории бассейна Верхней Вычегды в Коми крае не имела общей направленности в сторону увеличения, что подтверждает анализ «Дневных записок» И.С. Рассыхаева. Уровень урожая еще в значительной степени диктовался погодными особенностями того или иного хронологического периода и природно-климатическими условиями в районе с. Усть-Кулом. В известной степени на урожай хлебов оказывали влияние форма землепользования, качество пашен и семян, возможности для удобрения угодий и некоторые другие факторы. Однако, при относительно небольших посевах все эти факторы в хозяйстве Ивана Степановича Рассыхаева проявлялись не в полном объеме. По крайней мере, даже после ухода Рассыхаева на фронт, во время Первой Мировой войны, когда хозяйством управляла жена, Екатерина Яковлевна, он пишет, что снизились не только душевые посева, но и урожайность хлебов [3, С. 54 - 55]. А так как Ивана Степановича не было дома три года (1915-1917 гг.), то оставался значительный излишек хлеба.

Уровень обеспеченности семьи Рассыхаева своими хлебами подводит своеобразную черту под всеми явлениями и процессами, которые проявлялись в ходе земледельческого производства. Он является концентрированным показателем результативности земледелия, состояния и развития

производительных сил в нем. Степень обеспеченности населения хлебами находится в прямой зависимости от объемов чистых сборов этих хлебов. Данные общих чистых сборов зерновых И.С. Рассыхаева за период с 1910 по 1932 гг. свидетельствуют о том, что в 1910-1932 гг. не было заметного нарастания общих чистых сборов хлебов. В прошедший период среднегодовые чистые сборы зерновых составляли 65,9 пуда. Больше всего чистых сборов зерновых было в 1925 году – 105,25 пуда, а меньше всего в 1928 году, когда чистые сборы составили всего 19 пудов хлеба. Рост сбора хлебов наблюдался в тех случаях, в те годы, когда увеличилась урожайность хлебов. Нарастание посевов практически не сказывалась на чистых сборах зерновых. Урожайность являлась единственным фактором, определяющим основы уменьшения или увеличения чистых сборов. В отличие от посевов хлебов.

Уровень обеспеченности зерновыми зависел не только от увеличения или уменьшения чистых сборов зерновых, но и от увеличения количества членов семьи Рассыхаева в рассматриваемый период. В 1910 году в его семье насчитывалось 3 человека, в 1918 году – четыре человека, в 1923 году – пять членов семьи.

То есть уровень обеспеченности зерновыми в конечном итоге характеризовался показателями среднедушевых чистых сборов зерновых. В период с 1910 по 1932 года среднедушевые чистые сборы хлебов не имели ярко выраженной тенденции к повышению или понижению. То есть, эти показатели постоянно колебались. Среднегодовая норма сбора зерновых на одного члена семьи Рассыхаевых в 1910-1932 гг. составляла 14,6 пуда. Эти данные показывают, что среднегодовая обеспеченность была на уровне 104,3%, при этом среднегодовые чистые сборы яровых (ячменя) на одного человека за этот же период достигают показателя 10,6 пуда, что составляет 117,7% от нормы обеспеченности, которую указывает сам автор «Дневных записок».

Самый высокий уровень чистых сборов озимой ржи на одного члена семьи И.С. Рассыхаева зафиксирован в 1910 г. и равен 11,8 пуда на человека или 236% обеспеченности хлебов. Это объясняется тем, что в семье Ивана Степановича в тот период времени насчитывалось три человека.

В том же 1910 году уровень чистых сборов яровых на одного члена семьи также был самым высоким за 1910-1932 гг. и

составлял 15,6 пуда на человека или 173% от нормы обеспеченности, установленной автором источника.

Естественно, что и общий уровень чистых сборов всех зерновых на человека был рекордно высоким в 1910 году и зафиксирован на отметке 27,5 пуда хлебов на одного члена семьи, что составляла 196,4% обеспеченности хлебами от нормы в 14 пудов, которую называет сам И.С. Рассыхаев.

Дефицит зерновых приходился на озимую рожь, обеспеченность которой падала в 1928 году до 22% от нормы, когда среднедушевой чистый сбор составлял 1,1 пуда, а в среднем за 1910-1932 гг. обеспеченность семьи Рассыхаевых озимыми составляла 86%.

В отдельные годы, например, в 1923 г. семья Рассыхаевых испытывала недостаток яровых (ячменя), который приходилось покрывать покупкой хлеба [3, С. 82]. В 1923 г. среднедушевой чистый сбор ячменя составил 7,5 пуда или 84,4% обеспеченности. Однако, самый низкий уровень обеспеченности яровыми был в 1928 г. и равнялся 31,1% или 2,8 пуда ячменя на человека.

Самый низкий уровень среднедушевого чистого сбора всех зерновых был отмечен в том же 1928 г. на отметке 3,9 пуда или 27,9% от нормы обеспеченности хлебами.

Несмотря на не состыковку нормы обеспеченности И.С. Рассыхаева 14 пудов с нормой обеспеченности, приводимой исследователями этой проблемы, чистые сборы зерновых на одного члена семьи Рассыхаевых в среднем за период с 1910 по 1932 гг. были выше, чем среднедушевые чистые сборы по Коми краю в 1901-1915 гг. В среднем чистый сбор озимых по Коми краю в 1901-1915 гг. составлял 2,05 пуда на человека (у Рассыхаева 4,3 пуда), яровых – 3,96 пуда на человека (10,6 пуда), зерновых в целом – 6,0 пуда [5, С. 75] (у Рассыхаева – 10,6).

Обеспеченность населения зерновыми у П.П. Котова подсчитана с учетом минимальной дешевой нормы в 3 четверти зерновых (23,1 пуда) – 1,5 четверти озимых (12,3 пуда) и 1,5 четверти яровых (10,8 пуда) [5, С. 75]. Однако И.С. Рассыхаев пишет только об обеспеченности ячменем и озимой рожью, которые пускались в основном на еду, и определяет норму потребления в 14 пудов зерновых в год на человека (9 пудов ячменя и 5 пудов озимых) [3, С. 82, 97].

Тем не менее среднегодовые чистые сборы зерновых на одного человека у И.С. Рассыхаева за 1910-1932 гг. превышают аналогичные данные за 1910-1915 гг. по всему Коми краю в 2-2,5 раза.

Самое важное заключается в том, что И.С. Рассыхаев в течение практически всего периода с 1910 по 1932 гг. (за исключением отдельных неурожайных лет) удерживал планку обеспечения своими хлебами на очень высоком уровне – в среднем на уровне 104,3%.

Сведения о посевах и урожаях картофеля в тексте источника встречаются лишь один раз. В 1911 году было посажено 8 пудов картофеля, собрано 60 пудов [3, С. 45], «сам 7,5». Скорее всего, в последующем картофель И.С. Рассыхаев не сажал совсем, так как в «Дневных записках» после 1911 г. эта сельскохозяйственная культура не упоминается.

В 1927 году И.С. Рассыхаев пишет о том, что сеял овес. Посеял один пуд, собрал 4 пуда «сам 4» [3, С. 88]. Все эти данные недостаточны для того, чтобы судить об уровне развития этой культуры автором источника, и для того, чтобы ее включать в общие данные о зерновых и анализировать как одну из яровых культур.

Эти данные говорят о том, что И.С. Рассыхаев пытался расширить перечень возделываемых культур, экспериментировал. Сведений о посевах технических культур в источнике нет, хотя автор «Дневных записок» упоминает, что в его домашнем хозяйстве был ткацкий станок [3, С. 41]. Таким образом, нельзя отодвигать на задний план гипотезу о том, что возможно выше названные культуры И.С. Рассыхаев культивировал, но в связи с тем, что эти посадки носили вспомогательный характер, он не вносил сведений о них в свои «Записки».

Проанализировав данные «Дневных записок» можно сказать, что главные усилия И.С. Рассыхаева были направлены на производство ячменя и озимой ржи. Посевной клин обеспечивал достаточно устойчивые размеры среднедушевых посевов зерновых. Нарастание общих посевов зерновых было пропорционально темпам увеличения семьи. Распределение запашки между сельскохозяйственными культурами сохранялось практически на одном уровне, причем предпочтение отдавалось яровым (ячменю). Другие сельскохозяйственные культуры, такие как овес, картофель,

пшеница, технические культуры имели единичные случаи посадки или не выращивались вовсе, хотя не исключительно, что Рассыхаев просто не упоминает их в своем дневнике.

Размеры основных показателей уровня земледелия в семье Рассыхаевых на несколько порядков превышали аналогичные показатели по всему Коми краю. В зоне рискованного земледелия, куда входил Коми край и село Усть-Кулом, как его составная часть, когда размеры урожаев зависели в значительной степени от погодных условий конкретного периода или года, от Ивана Степановича Рассыхаева требовался великий труд и учет опыта предыдущих поколений для того, чтобы сохранить высокий уровень обеспеченности семьи своими хлебами весь период с 1910 по 1932 гг., в течение которого он самостоятельно вел хозяйство.

Список литературы и источников

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV- начало XVI вв. Л., 1971.
2. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1953.
3. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902-1953 гг. Публикацию подготовили Т.Ф. Волкова, В.В. Филиппова, В.А. Семенов. М., 1997.
4. Иловайский И.Б. Архивные источники о быте государственных крестьян Вологодской губернии середины XIX в. // Крестьянство Коми края. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып.38. Сыктывкар, 1986. С. 142-143.
5. Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII - начале XX вв. Сыктывкар, 1996.
6. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1991. С. 42-43.
7. Семенов В.А. Этнография коми (зырян). Сыктывкар, 1986. С. 25.